

Селищев Афанасий Матвеевич

**Диалектологический очерк
Сибири**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А94

А94 **Афанасий Матвеевич С.**
Диалектологический очерк Сибири / Селищев Афанасий Матвеевич – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 304 с.

ISBN 978-5-519-85222-7

ISBN 978-5-519-85222-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение .	Стр. 1—8.
I Звуковой составъ	8—79.
Гласный о (8—12). Гласные е, 'а (12—20). ѣ (20—22). *ъ, *ь передъ j или неслоговымъ i (22—23). и (23—25). *jь, jь (25—26). Voc. + i! voc. (26—28). ы (28—30). Начало слова (30). г (30—33). х (33—35). ф (35—36). к → х (36). к', г' (36—38). гы, кы (38). v, w, неслоговое у (38—42). Плавные (42—48). ч, ц (48—56). ш, ж, с, з (56—67). дз (67). Согласные передъ гласными передняго ряда. Мягкіе согласные (67—73). Группы согласныхъ (73—79).	
II. Формы	79—139.
Существительныя (79—91). Прилагательныя (91—95). Родъ (95—96). Мѣстоименія (96—104). Членныя формы (104—106). Глаголь (107—120). Нарѣчія, предлоги, союзы, частицы (120—128). Изъ синтаксиса (128—133). Удареніе (133—139).	
III. Великорусское наслѣдство и судьба его въ Сибири	139—271.
Введение (139—147). Гласный о (147—149). е, 'а (149—152). ѣ (152—153). *ъ, *ь передъ j или неслововымъ i (153—154). и—е (154—156). *jь, *jь (156—157). Voc. + i + voc. (157). ы (157—158). sl'u → sli (158—159). je-: jedin, jedno (159). Начало слова (160). г (160—162). х (162—166). *chw, f	

(166—169). к—х (169—171). к' г', х' (171).
 v, w, неслоговое у (171—177). Плавные
 (177—187). ч, ц (187—190). ш, ж, с, з (190—
 215). Согласные передъ гласными передняго
 ряда (215—223). Группы согласныхъ (223—
 228). Формы. Существительныя (228—236).
 Прилагательныя (236—241). Родъ (241—
 242). Мѣстоименія (242—247). Членныя
 формы (247—248). Глаголь (248—259). На-
 рѣчія, предлоги, союзы, частицы (260—262).
 Синтаксисъ. Удареніе. Лексика (262—271).

IV. Русскія діалектическія группы въ Сибири . . . 271.

Дополненія . . . 272—294

I (272—282). II Камчатка (283—286). До-
 полненія къ III-ей главѣ (286—294).

Настоящее изданіе печаталось съ февраля 1920 г
 по мартъ 1921 г. Вторая половина «Очерка» наби-
 ралась въ отсутствіе автора и корректура имъ не
 держалась. Вкралось много опечатокъ. Усердная
 просьба исправить ихъ по двумъ спискамъ, прило-
 женнымъ въ концѣ книги.

«Сибирь въ діалектическомъ отношеніи намъ почти совсѣмъ неизвѣстна». — писалъ 27 лѣтъ тому назадъ акад. А. И. Соболевскій въ своемъ «Очеркѣ русской діалектологіи»¹. Въ характеристикѣ говоровъ Сибири указаны имъ немногія черты восточно-сибирскихъ говоровъ на основаніи статей П. А. Ровинскаго и записей, находящихся въ «Верхоянскомъ Сборникѣ» (1890 г.) и «Сибирскомъ Сборникѣ» Ядринцева (1887 г.). Относительно западной Сибири «у насъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній»²). Отмѣчены на основаніи случайныхъ указаній по 3 черты говоровъ Тобольской области и населенія Алтая. Въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ появился длинный рядъ описаній русскихъ говоровъ въ Европѣ и было опубликовано много записей, относящихся къ этимъ говорамъ. Среди этихъ записей и описаній были и научныя описанія той или иной діалектической области и простыя перечни-отвѣты на діалектологическія программы, изданныя Отдѣленіемъ русскаго языка и слов. Ак. Наукъ, редакціей «Живой Старины» и Московской Діалектологической Комиссіей. Накопившійся матеріалъ, хотя и не равноцѣнный и далекій отъ желательной полноты, позволилъ Московской Діалектологической Комиссіи составить, въ качествѣ опыта, діалектологическую карту русскаго языка въ Европѣ и снабдить ее приложеніемъ очерка рус

¹) Живая Старина. I. II, вып. II, 24.

²) Тамъ же 26.

ской діалектологіи (М. 1915). Русскіе говоры Сибири на эту карту не занесены. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни въ очеркѣ. Причина, очевидно, заключалась въ томъ, что Комиссія не располагала достаточнымъ матеріаломъ, который относился бы къ этимъ говорамъ: свѣдѣнія о говорахъ Сибири попрежнему оставались весьма скудными. Ни научныхъ описаній, ни хорошихъ записей сибирскихъ говоровъ не появлялось и послѣ «Очерка» А. И. Соболевскаго. Попрежнему, если рѣчь заходила о русскомъ языкѣ сибирскаго населенія, то описыватели ограничивались общими указаніями на «отклоненія» и «неправильности» этого языка. «Особенно полна неправильностями и своеобразностями рѣчь сибиряка, живущаго гдѣ-либо въ далекомъ таежномъ углу, или среди бурятскихъ улусовъ» ¹⁾. Иногда указывались эти неправильности и своеобразности». И этими указаніями, какъ ни скудны и какъ ни случайны они, діалектологъ воспользуется съ благодарностью. Но иногда отмѣчаемая «особенности» относятся скорѣе къ вкусу описывателя, чѣмъ къ сибирскому говору. Такъ, Г. Я. Маляревскій, описывая говоръ Тобольской губ., отмѣчаетъ прежде всего слѣдующее. «Первая особенность сибирскаго говора... монотонность и невыразительность. Сибирякъ говоритъ безъ повышеній и пониженій голоса, безъ отгѣнковъ, «какъ капусту рубить»... Эта особенность сибирскаго говора, вѣроятно, стоитъ въ связи съ сухимъ и разсудочнымъ характеромъ старожила, не склоннаго къ изліянію чувствъ. Въ связи съ этимъ стоитъ другая особенность сибирскаго

¹⁾ Г. М. Осокинъ. На границѣ Монголіи. С.-Пб. 1900. 142.

говора—неполное раскрытіе рта, свойственное вообще говору сѣверныхъ народовъ» ¹⁾.

По отношенію къ разнымъ пунктамъ Сибири опубликованы, въ качествѣ образцовъ, записи тѣхъ или иныхъ говоровъ. Правда, безупречныхъ записей среди опубликованнаго матеріала не имѣется. Но все же изъ этихъ записей возможно извлечь указанія на тѣ или инныя черты данной діалектической группы. Этотъ діалектологическій матеріалъ представляютъ записи сказокъ, отдѣльныхъ словъ или фразъ обывденнаго разговора. Нерѣдко отдѣльныя слова и выраженія можно встрѣтить въ разныхъ статьяхъ, относящихся къ этнографіи Сибири. Такова, напр., обширная статья Н. П. Сокольникова: «Болѣзни и рожденіе челоуѣка въ селѣ Марковѣ на Анадырѣ» ²⁾. Опубликовано порядочное количество пѣсенъ русскаго населенія Сибири. Кое-что можно извлечь и изъ этихъ записей. Но слѣдуетъ не забывать, что языкъ пѣсенъ, хотя бы онъ былъ и хорошо переданъ въ записи, представляетъ собою ненадежный матеріалъ для характеристики обывденнаго языка данной мѣстности: съ одной стороны въ языкѣ пѣсенъ сохраняются по традиціи такіе архаизмы, какіе давно утрачены въ разговорной рѣчи, съ другой стороны, въ языкѣ пѣсенъ отражаются черты говоровъ той мѣстности, откуда занесена та или иная пѣсня. Въ пѣсняхъ новой формаціи нѣтъ чертъ архаизма; но въ нихъ сильно отражается вліяніе городского мѣщанскаго говора. Кромѣ того, очень многія записи

¹⁾ Ежегодникъ Тобольскаго Музея, 1917, томъ XXVIII, стр.

²⁾ Этнографич. Обзоріе, 1911, X, 3-4, 11-14.

пѣсенъ Сибири сдѣланы безъ передачи чертъ ихъ языка.

Съ открытіемъ историко-филологическихъ факультетовъ въ Томскѣ, Иркутскѣ и Владивостокѣ и Института изслѣдованія Сибири дѣло изученія Сибири, при этомъ и языка русскаго населенія ея, не замедлитъ дать желательные результаты. Правда, слѣдуетъ оговориться, что на долю русской діалектологии вообще и сибирской въ частности въ новыхъ очагахъ культуры на Востокѣ великой Россіи удѣлено мало вниманія или вовсе забыто о ней. На историко-филологическомъ факультетѣ во Владивостокѣ не читается ни одного курса по русскому языку и другимъ славянскимъ языкамъ. Болѣе вниманія удѣлено діалектологии Сибири со стороны томскаго историко-филологическаго факультета. Недавно (въ 1919 г.) профессоромъ А. Д. Григорьевымъ издана «Программа для собиранія свѣдѣній, необходимыхъ для составленія діалектологической карты русскаго языка въ Сибири ¹⁾». Она представляетъ собою перепечатку программы, составленной Моск. Діалект. Комиссіей (вып. 2); но «въ ней мною сдѣланы только необходимыя для Сибири измѣненія и дополненія», — заявляетъ проф. Григорьевъ. Къ сожалѣнію, эти «измѣненія и дополненія» совсѣмъ незначительны, а дѣйствительно важные пункты въ отношеніи говоровъ Сибири не указаны въ программѣ. Такъ напр., нѣтъ пункта о судьбѣ сочетаній — согласный-[-] (неслог. і) гласный — (платье, божья, веселье и т. под.); нѣтъ вопроса о «среднемъ» і вм. твердаго ѣ, о і вм. плав

¹⁾ Отдѣлъ изд. «Извѣстій Томскаго Университета». 1919.

ныхъ, о мѣнѣ *ш* и *с*, *ж* и *з* (шам, раш, посол, заркой...); отсутствуетъ указаніе на возможность *ch* въ *v* или неслогового *y* передъ согласнымъ, не обращено вниманія на губно-губной *w*, близкій къ *b* (*б*): нѣтъ запроса о формахъ дат.—мѣстнаго ед. именъ съ прежней основой на —ь (*i*) (печь, путь, лошадь.); упущена справка объ инфинитивныхъ формахъ на —*сти* (стасти, боясти...) и многое другое въ звукахъ, формахъ и синтаксисѣ.

Что касается Института изслѣдованія Сибири, то, какъ обнаружено было въ программныхъ докладахъ, читавшихся на сѣздѣ по организаціи его (въ январѣ 1919 г.), тамъ, повидимому, господствуетъ тенденція узко-практическаго, техническаго изученія Сибири. Между тѣмъ, изученіе говоровъ Сибири представляетъ глубокий интересъ. Не говоря объ общемъ научномъ значеніи этого изученія, отмѣтимъ слѣдующія стороны діалектологіи Сибири.

1) Русскіе говоры Сибири, оторвавшись отъ ближайшихъ говоровъ европейской Россіи, начали свою жизнь съ тѣмъ запасомъ звуковъ, формъ и лексики, какой былъ свойствененъ говорамъ ихъ метрополіи въ 16-мъ, 17 мъ вв. Сравнительное изученіе говоровъ Сибири и европейской Россіи прольетъ свѣтъ на состояніе тѣхъ или иныхъ русскихъ діалектовъ въ 16-мъ и въ 17-мъ столѣтіяхъ. Съ другой стороны, такое изученіе укажетъ, какіе языковые процессы были пережиты русскими поселенцами въ Сибири въ теченіе послѣднихъ 300—200 лѣтъ.

2) Сравнительное изученіе говоровъ Сибири и европейской Россіи опредѣлитъ путь сибирской колонизаціи

3) Русскіе выходцы изъ разныхъ мѣстностей Россіи, поселившись въ Сибири, оказывали вліяніе одни на другихъ. Ассимиляція происходила и въ отношеніи языка. Вліяніе шло преимущественно со стороны носителей сѣверно-великорусскихъ говоровъ. Отъ средневеликоруссовъ или отъ языка «общерусскаго» усвоено въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ аканье и иканье.

4) Русскіе поселенцы въ Сибири и сибирскіе инородцы приходили въ различныя взаимоотношенія. Слѣды этихъ взаимоотношеній отражаются также въ языкѣ и русскаго населенія и инородческаго.

Пожелаемъ же, чтобы скорѣе настало время, благопріятное для дѣла *всесторонняго* изученія Сибири. И въ этомъ изученіи пусть займетъ надлежащее мѣсто наука о томъ, благодаря чему, по словамъ Гумбольдта, человѣкъ сталъ человѣкомъ,—о языкѣ его. А нижеслѣдующія замѣтки основанныя на опубликованныхъ матеріалахъ, разбросанныхъ въ различныхъ изданіяхъ, и отчасти на собственныхъ наблюденіяхъ, пусть напомнятъ еще разъ, какъ скудны наши свѣдѣнія о языкѣ русскаго населенія Сибири.

Въ основу сибирскихъ говоровъ легли говоры сѣверной полосы европейской Россіи.—говоры Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерній. Оттуда шли основныя старыя колонизаціонныя волны въ Сибирь. Всѣми главными явленіями звуковыми, формальными, синтаксическими и лексическими сибирскіе говоры находятся въ ближайшей родственной связи съ этой сѣверно-великорусской диалектической областью (подробнѣе въ III ей главѣ). Въ числѣ раннихъ поселенцевъ

въ Сибири были носители, повидимому, не въ болѣе-
шомъ количествѣ, другихъ русскихъ говоровъ, но
ихъ потомки ассимилировались съ основной массой
старого русскаго населенія. Во второй половинѣ XVIII
вѣка въ Сибирь было выслано много семействъ ста-
рообрядцевъ изъ западной Россіи. Одни изъ нихъ
поселились на Алтаѣ въ Змѣиногорскомъ и Бійскомъ
округахъ, гдѣ извѣстны подъ именемъ «поляковъ»;
другіе добрались до Забайкалья, и осѣли въ Верхнеу-
динскомъ округѣ, гдѣ извѣстны подъ именемъ «се-
мейскихъ». По чертамъ своего языка семейскіе отно-
сятся къ южно великорусской группѣ. Описанію ихъ
говора посвящена III глава моей работы: «Забайкаль-
скіе старообрядцы. Семейскіе». (Ирк. 1920, стр. 44—69).
Данныя, изложенныя тамъ, относятся къ говору се-
мейскихъ въ сс. Тарбагатай, Десятниково, Куналей,
Мухоршибирь, Новый Заганъ, Хонхолой, Никольское,
Хараузь, Шеролдай, Бичура. Тѣ немногія свѣдѣнія, кото-
рыми мы располагаемъ о говорѣ ихъ сородичей на Алтаѣ,
указываютъ, что онъ принадлежитъ той же діалекти-
ческой группѣ. Позднѣе въ Сибирь катились волны
изъ центральныхъ губерній Россіи. Выходцы изъ этихъ
мѣстностей до сихъ поръ сохраняютъ черты гово-
ровъ средне-великорусскихъ и южно великорусскихъ.
Были переселенцы и поселенцы и изъ западной и юж-
ной Россіи. Малорусскія поселенія находятся и въ за-
падной и въ восточной Сибири. Компактныя малорус-
скія группы еще сохраняютъ черты своего нарѣчія.
Единичныя же семьи, заброшенныя въ среду «сибир-
скаго» великорусскаго населенія, или совсѣмъ утрати-
ли свой малорусскій говоръ или близки къ этой ут-
ратѣ. О судьбѣ языка блорусскихъ переселенцевъ

никакими свѣдѣніями не располагаю. Вѣроятно, она такова же, какая постигла говоръ малоруссовъ. Замѣчательно сильное воздѣйствіе оказываютъ говоры «сибиряковъ» — сѣверно-великоруссовъ на другіе. Какъ на примѣръ, укажу на судьбу говора забайкальскихъ старообрядцевъ, семейскихъ: вопреки своему стремленію жить обособленно отъ «сибиряковъ», какъ называютъ семейскіе русское нестарообрядческое населеніе, они не могли устоять, чтобы не поддаться влиянію «сибирскихъ» говоровъ. Попали въ Сибирь и носители польскаго языка. Среди «литвы» и «черкасъ», появившихся въ XVII—XVIII вв. въ Сибири, были и поляки ¹⁾.

І. Звуковой составъ.

Гласный о.

Ударенные гласные переданы посредствомъ жирнаго шрифта. Неслоговое *y* передано посредствомъ *w*. Для передачи мягкаго согласнаго служить знакъ согласнаго *сь*⁴.

«О к а н ь е». Говоры «старожилаго» русскаго населенія Сибири относятся къ типу «окающихъ» великорусскихъ говоровъ. Въ отдѣльныхъ говорахъ *вм.* неудареннаго (предударнаго) *о* представлено *y*: *уп'ат'* (*уп'ѣт'*), *дукол'*, *уткол'* (напр. въ области Алтая). По говорамъ находится *у* или *ю* подъ удареніемъ *вм.* *о*: *яусем'*, *нуги*, *дулъ*, *супка* (напр., въ Тобольской губ., въ восточной Сибири) Срав. въ якутскомъ языкѣ передачу русскихъ заимствованій: *гуорад*, *буорах*

¹⁾ П. Н. Буцинскій. Заселеніе Сибири. Харьковъ. 1889. Стр. 198—199. Н. Оглоблинъ. Заговоръ томской «литвы» въ 1634 г. Оттискъ изъ VIII ой кн. «Чт. въ Историч. Общ. Нестора лѣтоп.», 3